

Историография и методология истории

УДК 930.2

DOI: 10.28995/2073-6339-2019-3-38-47

Содержание и противоречие российского историографического процесса

Александр Р. Акрамов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия; akramov.a@rggu.ru*

Аннотация. Общеизвестным является представление о том, что каждое поколение пишет свою историю. Для историков всегда возникает вопрос о том, как и на основании чего историю писали их предшественники. В статье предпринимается попытка выявить обстоятельства, при которых вопрос оценивания, осмысления и переосмысления историографической традиции становится наиболее актуальным.

Рассмотрев самые значимые труды Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, П.Н. Милюкова и Н.Л. Рубинштейна и обстоятельства, при которых они были написаны и получили общественное признание, автор предпринимает попытку выявить ключевую особенность, при которой научный и обывательский интерес к одному труду сменяется другим. По мнению исследователя, причиной, по которой вопрос осмысления или переосмысления становится наиболее актуальным, являются кризисы, или так называемые переломы.

Для выявления содержания и противоречий российского историографического процесса автор предпринял попытку определить, какие подходы к оценке историографических трудов предшественников существуют. Автор выделяет три подхода к такой оценке. От историографического наследия можно отказываться и попытаться переосмыслить историческое событие, не учитывая опыт исследователей в той или иной области. С другой стороны, можно учитывать историографический опыт предшественников, но пытаться найти неточности и ошибки в их исследованиях; критикуя опыт предшествующих исследований, приходить к иным выводам. Третьим подходом можно считать попытку соединить опыт своих предшественников с собственными наблюдениями.

Ключевые слова: историография, историографический процесс, переосмысление, С.М. Соловьев, Н.М. Карамзин, В.О. Ключевский, Н.Л. Рубинштейн

Для цитирования: Акрамов А.Р. Содержание и противоречие российского историографического процесса // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 3. С. 38–47. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-3-38-47

Content and contradiction of Russian historiography process

Alexander R. Akramov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia; akramov.a@rggu.ru*

Abstract. It is well known that each generation writes its own history. for history researchers, the question always arises of how and on the basis of which history their predecessors wrote history. The author attempts to identify the circumstances in which the question of evaluating, interpreting and rethinking the historiographical tradition becomes the most urgent.

Having considered the most significant works of N.M. Karamzin, S.M. Solovyov, V.O., Klyuchevsky, P.N. Milyukova and N.L. Rubinstein and the circumstances in which they were written and received public recognition, the author attempts to identify a key feature in which one historical work replaces another. According to the researcher, the reason why the question of reflection or rethinking becomes the most urgent is crises or so-called fractures.

To identify the content and contradictions of the Russian historiographic process, the author attempted to determine which approaches to the assessment of the historiographical works of predecessors exist. The author identifies three approaches to such an assessment. From the historiographic heritage, you can refuse and try to rethink the historical events, rather than the works of predecessors. On the other hand, one can take into account the historiographic experience of predecessors, but try to find inaccuracies and errors in their research. A wasteful approach can be considered an attempt to combine the experience of their predecessors with their own observations.

Keywords: historiography, historiographic process, rethinking, S.M. Soloviev, N.M. Karamzin, V.O. Klyuchevsky, N.L. Rubinstein

For citation: Akramov AR. Content and contradiction of Russian historiography process. *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, 2019;3:38-47. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-3-38-47

Введение

Каждое поколение переосмысливает историю по-своему. В основе этого переосмысления, на наш взгляд, преимущественно лежат несколько факторов. Во-первых, необходимость оправдания современности, которая может быть сопряжена с кризисными или негативными явлениями. В этом смысле оправдание современности требует обращения к прошлому как к явлению, которое порождало эти негативные тенденции. Критика прошлого, таким образом, становится элементом оправдания тех процессов, которые происходят в реальной современной жизни. В Советском Союзе, например, перестройка начиналась во многом с признания того, что 20-летний период брежневского правления был периодом застоя, который не создал необходимых стимулов для динамичного и поступательного развития. Далее критика распространилась на весь советский период как на период, сопровождающийся постоянными деформациями в социальной, экономической и культурной жизни. Это привело к тому, что современность воспринималась и формировалась как преодоление или отрицание прошлого.

Во-вторых, критика прошлого всегда сопровождается поиском нереализованных и невоплощенных альтернатив. Совершенно неслучайно, что в годы перестройки одними из самых популярных героев становятся П.А. Столыпин и Н.И. Бухарин. Возникают даже специальные клубы и объединения любителей П.А. Столыпина [1 с. 179] и Н.И. Бухарина [2 с. 13–14], тех людей, с чьими именами связываются нереализованные альтернативы. Опыты П.А. Столыпина оцениваются как перспектива модернизации России на основе актуализации экономических и социально-культурных факторов (образование, частная собственность, индивидуальное хозяйство), а опыты Н.И. Бухарина – как поддержка эффективного сельскохозяйственного производства, переход к экономическим способам руководства экономикой. В этих ориентирах, как правило, игнорировались многие негативные моменты, сопровождавшие реформаторские усилия и П.А. Столыпина, и Н.И. Бухарина. Но эти нереализованные альтернативы воспринимались как реальный вызов реализовавшейся практике.

В-третьих, разворачивается активный процесс замены классических текстов. Самым очевидным является то, что советские политические тексты – работы Л.И. Брежнева, М.А. Суслова – практически изымаются из интеллектуального поля, а их место начинает занимать историческая публицистика, часто очень поверхностная, но яркая и эмоциональная (А.И. Солженицын, Р.А. Медведев).

Наряду с этим начинается процесс издания и переиздания классических исторических произведений, которые были недоступны долгое время для рядового читателя (С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, Н.М. Карамзин). Подписные издания этих авторов становились настоящими шлягерами, люди стояли ночами у магазинов в надежде получить данные произведения. В свое время один из классиков марксизма писал о том, что мы хотим, чтобы нас не почитали, а читали [3 с. 131], но в период перестройки происходило прямо противоположное: работы классиков историографии не столько читали, сколько почитали. В лучшем случае – пользуясь отдельными фразами или цитатами.

Из русского классического историографического наследия неожиданно наиболее актуальными оказались работы трех гигантов русской историографии – Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева и В.О. Ключевского. Произошло объединение двух векторов. Первый вектор связан с тем, что в этих трудах пытались найти ответы на главные загадки российской истории. Почему мы именно такие? Второй вектор – академический, и здесь находилось стремление и желание понять природу, качества и своеобразие российского исторического процесса. Если мы вышли из марксистской парадигмы, в которой все определялось концепцией классовой борьбы, то как заворачивали идеи географического фактора, пространственности, влияния татаро-монгольского ига! Как это все формировало и выстраивало российский исторический процесс! С этими авторами в интеллектуальное пространство вошли совершенно новые герои, это не Чапаев и не Ленин, а цари, патриархи, князья, и они формировали и открывали новые возможности для интерпретации и переинтерпретации.

Конечно, первоначальное осмысление и переосмысление классического историографического наследия было достаточно фрагментарно. Вначале брались на вооружение и использовались в интеллектуальных проектах отдельные идеи и отдельные фрагменты – например, из работ Н.М. Карамзина брались идеи консерватизма и особой роли власти в русской истории. Это было тем более важно, что в данный период реальная власть искала способы и приемы легитимации, и здесь Карамзин оказывался чрезвычайно современным, всеми своими сочинениями обращая внимание на то, что без власти Россия не может существовать как целостное, прогрессивное, динамичное государство. Одновременно он был интересен тем, что обращал внимание на переделы власти и властвования, представив и описав многие ужасы царствования Ивана Грозного. У С.М. Соловьева были интересные сюжеты, посвященные роли и значению географического фактора в истории России и в ее историческом наследии. Это было своеобразным прорывом

в понимании и признании того, что мы можем и не можем делать в определенных условиях. В.О. Ключевский дал еще более радикальный прием расшифровки кода российской истории – он соединил пространство и время как особые факторы русскости и российскости.

Таким образом, актуализация и выявление этих качественных характеристик Российской истории становилась важнейшим фрагментом современной исторической публицистики, а затем политической мысли в целом.

Пройдет несколько лет, и появятся яркие работы Н.В. Илерицкой, А.Л. Юрганова, Я.А. Коменского, Ю.Н. Афанасьева, А.П. Логунова, которые попытаются выявить своеобразие и специфику российского историографического процесса.

Подходы к осмыслению историографического процесса

Возникает вопрос: как же сам Соловьев относится к своим предшественникам, как он интерпретировал их тексты? Сказать, что до С.М. Соловьева не было фундаментальных исследований, нельзя. К моменту написания «Истории России с древнейших времен» история исторической науки уже знала В.Н. Татищева и Н.М. Карамзина. Наиболее интересным, на мой взгляд, представляется сопоставление с позицией Н.М. Карамзина, которого в российской историографии окрестили «единственным официальным историографом России» [4 с. 265]. Главное различие в позициях С.М. Соловьева и Н.М. Карамзина заключается в том, что Н.М. Карамзин выстраивает свою «историю», основываясь на субъективистском подходе [5]. С.М. Соловьев противопоставил ему идею исторического развития, которая смещала акцент с заслуг отдельных личностей в пользу исторических особенностей формирования российского общества [6]. Он считал, что человеческое общество представляет собой единый организм, который формируется под воздействием естественной среды. С.М. Соловьев отказался от периодизации, предложенной Н.М. Карамзиным: он не выделял «норманнский» и «татарский» периоды в русской истории. Таким образом, он сместил акценты с внешних факторов, как, например, завоевания, на внутренние, такие, как колонизационные движения, возникновение новых городов, изменение взглядов князей на собственность.

Мы видим, что С.М. Соловьев пишет свою «историю», не беря за основу труды своих предшественников. Его подход к историографии предшественников в данном случае можно охарактеризовать как отказ от историографического наследия и попытку переосмысления событий, а не трудов предшественников.

Третий подход к взаимодействию с историографией своих предшественников и современников достаточно ярко виден в преемственности исследовательских подходов С.М. Соловьева и В.О. Ключевского. С.М. Соловьев был не просто наставником и учителем В.О. Ключевского, он был его идейным вдохновителем. Часто их называют «двумя неразрывно связанными деятелями» [7 с. 14]. В чем же заключается преемственность этих исследователей? Ключевский, как и Соловьев, определял историю России как историю страны, которая колонизируется. Колонизацию они считали основным фактом истории страны [8 с. 82]. Однако Ключевский в «Курсе русской истории» писал, что для того, чтобы составить полное представление об истории, необходимо выявить всю совокупность фактов и факторов (географических, этнических, экономических, политических и т. д.), характерных для каждого периода времени.

Данный подход к отношению к историографии предшественников можно охарактеризовать как попытку принять опыт своего предшественника, дополнив его своим опытом.

Влияние кризисов на историографический процесс

Историографический процесс, т. е. процесс познания прошлого, реализуется через накопление, обобщение, признание, отрицание опыт предшественников. Историографический процесс совмещает в себе непрерывное эволюционное развитие, с одной стороны, и постоянное переосмысление накопленного опыта — с другой. Именно в переломные моменты возникают вопросы о том, кто мы, какие мы и какими были наши предки. Мы можем заметить связь между тем, например, почему Н.М. Карамзин стал менее актуален, когда отменили крепостное право, и тем, когда возник гений С.М. Соловьева. Все это может быть связано лишь с тем, что разные эпохи предъявляют разные требования к прошлому. Александровская и николаевская эпоха возвышает гений Н.М. Карамзина и возносит его до звания «единственного официального историографа» [4 с. 265]. Эта эпоха сменяется другой, которая рождает гений С.М. Соловьева [8 с. 83]. Эпоха конца XIX века рождает В.О. Ключевского и П.Н. Милюкова, которые пытаются разгадать загадки нашего движения. Они апеллируют к особенностям условий жизни (В.О. Ключевский [9 с. 989–993]) и к культурным стереотипам (П.Н. Милюков [10 с. 12]). Следующая эпоха ознаменует один из самых масштабных переломов. Советская эпоха ставит главную задачу для исследователей: переосмыслить всю историю, базирываясь на марксистских основаниях.

Главная идея этого переосмысления заключается в том, что всю историю можно рассматривать как историю борьбы и конфликтов. На этих основах выстраивается советская историография. Все предшествующие заключения исследователей, все их концепции и размышления должны быть качественно переосмыслены. Наиболее яркой иллюстрацией в данном случае выступает реформирование сферы образования, которое кардинально меняло дореволюционный вектор исторического образования. Новая система образования ограничивала круг тем, доступных для интеллектуального осмысления. Отныне студенты и все научное сообщество были вынуждены заниматься осмыслением и переосмыслением истории с точки зрения марксизма [11 с. 49].

Практически до конца 40-х годов XX в. исследователи отрицали значимость трудов, написанных историками досоветского периода. Эти знания не носили никакой актуальности. Это подтверждается еще и тем, что сразу после Октябрьского переворота на одном из первых заседаний Совнаркома большевики приняли решение заменить «старый» календарь более «прогрессивным». Декрет «О введении в Российской республике западноевропейского календаря» был принят на заседании правительства 24 января (6 февраля) 1918 г. и подписан Лениным «в целях установления в России одинакового почти со всеми культурными народами исчисления времени»¹. Еще одним подтверждением того, что советская власть пыталась полностью отказаться от прошлого и писать свою историю, является тот факт, что через два дня после своего образования Совет Народных Комиссаров РСФСР издал декрет «О восьмичасовом рабочем дне», в 10-й статье которого были перечислены праздники, которые отныне становятся общегосударственными².

До начала 30-х годов XX в. советская власть отказывалась от принятия исторического наследия. Более того, историческое образование не считалось сколько-нибудь значимым. Однако в 1934 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) впервые возникает вопрос

¹ Декрет «О введении в Российской республике западноевропейского календаря» 24 января (6 февраля) 1918 // Виртуальная выставка к 1150-летию зарождения российской государственности [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Москва, cop. 2012-2019. URL: <http://rusarchives.ru/projects/statehood/08-34-dekret-kalendar-1918.shtml> (дата обращения 4.04.2019).

² Декрет Совета Народных Комиссаров «О восьмичасовом рабочем дне» // Гарант [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Москва, cop. 2002-2019 URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5306/> (дата обращения 4.04.2019).

о качестве преподавания истории в советских школах³. Ровно через 15 дней было принято решение о необходимости в сжатые сроки подготовить комплекс новых учебников по истории, а также восстановить исторические факультеты в университетах⁴.

Однако новые вызовы и новые кризисы ознаменуют и новый перелом в осмыслении исторического прошлого в целом и историографии в частности. Преодолев масштабный кризис для всей государственной машины в виде Великой Отечественной войны, в Советском Союзе происходит перелом в отношении к прошлому. Мы начинаем понимать, что у нас было прошлое и советский народ во всем его многообразии является великим народом. Таким образом, актуализируется вопрос о знаниях и опыте историков дореволюционного периода. Н.Л. Рубинштейн пишет свой уникальный труд «Русская историография», где он впервые ставит вопрос о том, как наши историки оценивали наше прошлое, как они оценивали нашу историю [12].

Чем же уникальна работа Н.Л. Рубинштейна? Во-первых, он расширяет и раздвигает границы существующего интеллектуального пространства и дает понять, что, оказывается, работы историков, пусть и в буржуазном или феодальном контексте, интересны как опыт познания, что очень важно в общем интеллектуальном пространстве. Вторым существенным прорывом для истории исторической науки являются размышления о том, какие интеллектуальные сюжеты важны для изучения, а какие нет. В частности, он рассматривает «Выступление на дискуссии по книге Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии»» под авторством А.А. Жданова [13]. В своем выступлении А.А. Жданов ставит вопрос о том, есть ли смысл в изучении западноевропейской философии, если до К. Маркса философии не было. Жданов придерживается подхода, действовавшего в государственных масштабах до начала 40-х годов XX в., который не учитывал достижений наших предшественников. Позиция Н.Л. Рубинштейна заключалась в том, что в любой области знания важно учитывать опыт, накопленный предшественниками.

³ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О постановке преподавания гражданской истории в школах» 5.03.1934 // Российская газета [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Москва, сор. 2012-2019 URL: <https://rg.ru/2016/09/13/rodina-uchebniki-istorii.html> (дата обращения 4.04.2019).

⁴ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О постановке в школах преподавания гражданской истории и географии» 20.03.1934 // Российская газета [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Москва, сор. 2012-2019 URL: <https://rg.ru/2016/09/13/rodina-uchebniki-istorii.html> (дата обращения 4.04.2019).

Заключение

Проанализировав ряд кризисов и увидев, какая реакция на эти кризисы следует в области исторической науки, можно предположить, что смена отношения к опыту наших предшественников, к их идеям и исследованиям происходит в результате кризисов, разнородных по своей сути. Н.М. Карамзин становится менее актуальным в результате отмены крепостного права, которую с уверенностью можно назвать кризисом в масштабе государства. Кризис этот был связан с тем, что привычные государственные и культурные устои актуализируют совершенно другие проблемы. Следующим кризисом и сменой отношения к прошлому является Октябрьская революция, которая диктует отказ от прошлого. Таким кризисом является период Великой Отечественной войны, который актуализирует знания о прошлом и их необходимость в целом. Кризис является ключевым звеном изменения отношения к прошлому. Кризис может возвысить и актуализировать эти знания, а может послужить причиной полного отказа от прошлого. Как справедливо замечают исследователи, увлеченные историческими сюжетами, проблема смены в значительной степени осмыслена историческим сообществом. Однако в данной статье речь идет не о смене парадигм, а о значении и влиянии кризисов на историческую науку. Выявлен ключевой элемент, способствующий возникновению тенденций к переосмыслению историографического прошлого. По моему мнению, как кризис является индикатором того, что в обществе начнут происходить процессы переоценки собственного прошлого, так и появление работ, направленных на переосмысление прошлого, может свидетельствовать о том, что это общество подвержено влиянию кризиса. Эти явления можно считать взаимосвязанными.

Литература

1. Рыбас С.Ю., Тараканова Л.В. Реформатор: жизнь и смерть Петра Столыпина. М., 1991. 204 с.
2. Островский А. Кто поставил Горбачева? М., 2010. 544 с.
3. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1967. 663 с.
4. Макарова Р.В. «Своими заслугами отечеству обессмертил свое имя...»: к 250-летию историографа Н.М. Карамзина (1766–1826 гг.) / Вестник архивиста. 2016. № 4. С. 265–282.
5. Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: ОНИКС, 2017. 1232 с.
6. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Эксмо, 2017. 1024 с.
7. Любавский М.К. С.М. Соловьев и В.О. Ключевский. М.: Руниверс, 1913. 20 с.
8. Васильев Ю.А. О методологических основаниях русской исторической школы: историографические аспекты. Ч. 2 // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 2. С. 78–88.

9. Солманидина Н.В. В.О. Ключевский о роли природы как социального фона и потенциала формирования русского народа и его ментальности // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 989–993.
10. Дорохов В.Н. Исторические взгляды П.Н. Миллюкова: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Университет Российской академии образования. М., 2005. С. 49–56.
11. Скворцов А.М., Гришина Н.В. Историческое образование в первое десятилетие советской власти: основные векторы развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 2. 412 с.
12. Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М.: Госполитиздат, 1941. 659 с.
13. Жданов А.А. Выступление на дискуссии по книге Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии». М: Госполитиздат, 1952. 46 с.

References

1. Rybas SU., Tarakanova LV. *Reformer: the life and death of Peter Stolypin*. Moscow, 1991. 204 p. [In Russ.]
2. Ostrovsky A. *Who put Gorbachev?* Moscow, 2010. 544 p. [In Russ.]
3. Lenin VI. *Collected Works*. Moscow, 1967. 663 p. [In Russ.]
4. Makarova RV. “With my merit to the fatherland immortalized my name ...” to the 250th anniversary of the historiographer N.M. Karamzin (1766–1826). *Archivist Bulletin*. 2016;4:265-82. [In Russ.]
5. Karamzin NM. *History of the Russian State*. Moscow: ONYX Publ.; 2017. 1232 p.
6. Soloviev SM. *History of Russia from ancient times*. Moscow: Eksmo Publ.; 2017. 1024 p.
7. Lyubavsky MK. *C.M. Soloviev and V.O. Klyuchevsky*. Moscow: Runivers Publ.; 1913. 20 p. [In Russ.]
8. Vasiliev UA. On the methodological foundations of the Russian historical school: historiographic aspects. Part II. *Knowledge. Understanding. Skill*. 2009; № 2. 249 p. [In Russ.]
9. Solmanidina NV. I.N. Klyuchevsky about the role of nature as a social background and the potential of the formation of the Russian people and its mentality V.G. Belinsky. *Izvestiya PGPU im. V.G. Belinskogo*. 2012;27:989-93. [In Russ.]
10. Dorokhov VN. Milyukov's historical views. Abstract of Ph.D. dissertation. Universitet rossiiskoi akademii obrazovaniya. Moscow, 2005. p. 49-56. [In Russ.]
11. Skvortsov AM., Grishina NV. Historical education in the first decade of Soviet power: the main vectors of development. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2015;2:49-56. [In Russ.]
12. Rubinstein NL. *Russian historiography*. Moscow: Gospolitizdat Publ.; 1941. 659 p. [In Russ.]
13. Zhdanov AA. *Speech at the discussion on the book G.F. Alexandrova “History of Western European Philosophy”*. Moscow: Gospolitizdat Publ.; 1952. 46 p. [In Russ.]

Информация об авторе

Александр Р. Акрамов, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; ГСП-3, 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; akramov.a@rggu.ru

Information about the author

Aleksandr R. Akramov, graduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, GSP-3, 125993; akramov.a@rggu.ru